

Изменение структуры российской экономики в эпоху трансформации глобальной экономики

Одной из ключевых проблем дискуссий в научных и экспертных кругах о современном состоянии российской экономики – это не только вопросы описания, анализа и объяснения причин и условий развёртывания кризисных явлений, которые стали заметны еще осенью 2013 г., но официально признанные только осенью 2014 г., но и способы концептуализации мер и условий выхода из автономной рецессии. Мнения экономистов здесь существенно полярны: от признания невозможности быстрого роста российской экономики в ближайшее время¹ до оценок потенциала темпов ежегодного роста 6-8% среднесрочной перспективе².

Обобщенная динамика мировой и российской экономики приведена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика валовых продуктов основных стран (по ППС) в 2007-2015 гг., %

Страны/ годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Развитые страны	2,74	0,10	-3,44	3,04	1,72	1,42	1,3	1,8	2,0
США	1,79	-0,29	-2,78	2,53	1,60	2,22	1,49	2,43	2,5
ЕС-17	2,99	0,38	-4,57	2,05	1,64	-0,81	-0,28	0,87	1,5
ЕС	3,41	0,59	-4,33	2,08	1,80	-0,40	0,25	1,46	1,8
Великобритания	3,43	-0,77	-5,17	1,66	1,12	0,25	1,7	3,0	2,5
Италия	1,68	-1,16	-5,49	1,72	0,45	-2,37	-1,7	-0,4	0,8
Франция	2,29	-0,08	-3,15	1,73	2,03	0,01	0,7	0,2	1,2
ФРГ	3,39	0,81	-5,09	3,86	3,40	0,90	0,4	1,6	1,5
Япония	2,19	-1,04	-5,53	4,71	-0,45	1,74	1,59	-0,10	0,6
Развивающиеся страны	8,70	5,87	3,11	7,52	6,27	5,05	4,9	4,6	3,9
Россия	8,54	5,25	-7,80	4,50	4,30	3,40	1,3	0,6	-3,8
Бразилия	6,10	5,17	-0,24	7,57	3,92	1,76	2,74	0,15	-3,0
Индия	9,80	3,89	8,48	10,26	6,64	5,08	6,90	7,29	7,2
КНР	14,16	9,64	9,20	10,60	9,50	7,75	7,69	7,3	6,8
Весь мир (PPP)	5,35	2,71	-0,3	5,43	4,23	3,43	3,31	3,43	3,1

Source: World Economic Outlook Database, October 2015, IMF

Выводы из простого анализа мировой экономической динамики следующие:

1. В 2013-2015 гг. мировая и российская экономика после посткризисного отскока вступили в фазу торможения роста, прогнозы на 2015 г. и далее показывают повышение динамики, но, скорее всего, они излишне оптимистичны.

2. Для США – возможно существенное замедление роста с III кв. 2015 г., низкие объемы промышленного производства, замедление скорости создания рабочих мест.

3. Для ЕС характерно медленное восстановление после кризиса 2012-2013 гг.

4. Индия и КНР замедляют свой экономический рост, причем предполагается, что Индия в 2015 г. обгонит Китай по темпам роста. В КНР идет снижение импорта и растет вывоз капитала.

5. Экономика Японии балансирует на грани рецессии. Бразилия и Россия – находятся в кризисе.

¹ Длинные, эмиссионные, меченые. Интервью А.Н. Клепача // Эксперт от 13.07.2015. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/29/dlinnyie-emissionnyie-mechenyie/>

² Баррель везения. Интервью акад. В.В. Ивантера // "Российская газета" от 19.04.2015. Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/index.php?pid=interview/20150424>

Предварительно попробуем проблематизировать основания таких суждений. Здесь нужно ввести несколько поясняющих определений, которые обосновали бы теоретико-методологические позиции автора. Большинство исследователей, так или иначе, работают в таких привычных парадигмах как категориальная связка "вещь-свойство" или "объект-отношение". Возможно и другие более развитые представления, например, использование системного подхода, структурно-функционального и т. д. Но все эти онтологические парадигмы, на взгляд автора, недостаточно адекватны сложности исследуемых проблем. Поэтому для изложения даже пока предварительных результатов исследования, необходимо опираться на более универсальные онтологические основания, а именно, на категории "воспроизводства" и "объективации". При этом под *общественной объективацией* здесь понимается фиксация структуры (т.е. инварианта) общественных феноменов, взаимодействий, практик, возникновение новой сферы деятельности людей, что взаимообусловлено, как воспроизводством самих общественных объектов, так и воспроизводством части условий, обеспечивающих их существование. Также надо понимать, что "объективация" может означать процесс становления объекта, а может – результат этого становления, т.е., в частном случае, сам общественный объект. А под *общественным воспроизводством* понимается квазипериодически повторяющееся воссоздание локальных общественных объективаций в связанных с ними актах других объектов и субъектов. При этом важно, что воспроизводство никогда не бывает полным, т.е. при этом меняются, как сами общественные объекты, так и условия их существования³. Заметим также, что объективация – это всегда выделение и становление самостоятельности взаимодействия (и, соответственно, функций) между акторами. Параллельно для общественной объективации происходит становление *субъективации*, т.е. появление и воспроизводство носителя (индивида) обособившейся функции в структуре общественного субъекта.

С таких позиций господствующая неоклассическая экономическая теория неявно построена на тезисе: все экономические процессы являются *однородными* с точки зрения единого типа богатства - *стоимости*. Но в исторической ретроспективе это открытая проблема: изначально богатство было в натуральной форме и *неоднородно*, например, земля, скот, оружие, рабы, драгметаллы, и пр. Исторически базовый тип отношений носит наименование "хозяйство" (например, натуральное, но исторически почти всегда - меновое). Хозяйство воспроизводит материальные условия жизни общества (продукты и услуги), *присваивая* предметы природы, но *не воспроизводит стоимость* внутри себя, а ее воспроизводство в меновом хозяйстве носит локальный и подчиненный характер, связанный с присвоением рабочей силы из внешнего мира. Только с появлением такой сложной общественной объективации как производительный капитал (первая историческая форма – мануфактурная промышленность), объективируется собственно современная экономика, как динамика общественного производства (иначе говоря, расширенное воспроизводство стоимости). Иначе говоря, экономика – возникает как обособление денежного хозяйства и начинает расширенно воспроизводить "стоимость" в эпоху становления и объективации производительного капитала. Дополнительно капитал порождает новый тип присвоения – *присвоение технологического способа производства*, что порождает новую *неоднородность* глобальной экономики – **технологическую**.

Заметим, что основатели теорий экономического роста пытались противопоставить эту теорию исследованиям *теории экономической конъюнктуры* или теории экономических циклов. При этом, основная задача тогда понималась как *выявление тренда* путем исключения циклических колебаний неких выделенных макропоказателей. Например, К. Митчел писал о "волнах Кондратьева", как о еще одном виде экономических колебаний, которые следует исключить (элиминировать) ради получения *итоговой*

---

³ Фролов И.Э. Теоретико-методологические аспекты проблемы прогнозирования мировых финансово-экономических кризисов // Научные труды ИМП РАН. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 13-53. Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2010/01>

картины тренда экономического развития. В его понимании экономический тренд представляется как тенденция прогресса⁴.

Концепция длинных циклов (или "длинных волн") возникла в конце XIX – начале XX в., когда ученые многих стран (и, прежде всего, специалисты по истории и теории экономических кризисов и циклов) обратили внимание на наличие длительных (продолжительностью ок. 50 лет) волн в динамике отдельных экономических показателей (например, С. Дживонс (Англия); М. Туган-Барановский (Россия), К. Каутский (Германия), Ж. Лескюр (Франция), К. Викселль (Швеция), В. Парето (Италия)). Тогда длинные волны фиксировались только в движении цен и процентных ставок, и рассматривались как дополнение к "обычным" деловым циклам⁵. Более фундаментальная разработка этой концепции пришлась на 1920-40-е гг. Среди экономических работ в первую очередь следует назвать труды выдающегося русского экономиста Н.Д. Кондратьева⁶. Теория "длинных волн" Н. Кондратьева ("К-волн") к настоящему времени довольно сильно доработана и адаптирована к современным реалиям⁷, и уже много экономистов и экспертов склоняются к тому, что глобальная экономика вступила в "К-волну", которая вполне может быть проинтерпретирована как новый этап трансформации глобальной экономики⁸.

Ключевая проблема, как в условиях нарастания кризисных явлений в мировой экономике найти некоторый "фокус", на который должна быть направлена экономическая политика, обеспечивающая наращивание экономического потенциала страны в условиях трансформации глобальной экономики.

Сама идея трансформации глобальной экономики исходит из следующей гипотезы:

- глобальная экономика представляет собой сложный, неоднородный синтез различных типов объективаций - локальных хозяйств, собственно экономики, финансов и финансовых активов;

- этот синтез принципиально динамичен, причем рост в начале каждого товарно-промышленного цикла относительно сбалансирован: экономика стимулирует развитие хозяйства, а финансы стимулируют развитие экономики;

- однако капитал (в т.ч. и в финансовой форме) развивается быстрее, чем его базовые материальные производства, что обуславливает накопление новых диспропорций;

- каждая новая конфигурация всех типов общественных объективаций в рамках очередного экономического периода развития уникальна. В её рамках сочетание конкретных типов капиталов в конечном итоге порождает условия, провоцирующие новый кризис.

Но не затрагивая саму специфику этой трансформации, где кризисные явления лишь один из ее аспектов⁹, здесь рассмотрим только одну из ключевых особенностей российской экономики, существенно влияющий на её развитие.

---

⁴ Митчелль У.К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка. — М.-Л., 1930.

⁵ См., например, обзор: Barr K. Long Waves: A Selective Annotated Bibliography // Review. 1979. Vol.2, № 4. P. 675-718.

⁶ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

⁷ Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. - М.: Наука, 1993; Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе: краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена – М.: Книжный дом "Либроком", 2010.

⁸ Фролов И.Э., Ганичев Н.А., Кошовец О.Б., Ципко В.А. Анализ управления и контроля бюджетными ресурсами в условиях финансово-экономического кризиса: зарубежный опыт и уроки для России. М.: Изд. Счетной палаты РФ, 2011. С. 11-53; Фролов И.Э. Формирование транснационального сектора российской экономики и варианты стратегического позиционирования предприятий // Стенограмма пленарного доклада. Пленарные доклады и выступления на Круглом столе. Пятнадцатый Всероссийский симпозиум "Стратегическое планирование и развитие предприятий", ЦЭМИ РАН, 15-16.04.2014. М.: ЦЭМИ РАН. М.: 2015. С. 43-56. Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=pub/frol13>

⁹ Фролов И.Э. и др. Указ. Соч. С. 102-109; Frolov I. E., Koshovets O.B. Impact Investing as a "Basic Innovation" for the Global Economy and Finance System Postcrisis Transformation // Journals Economy & Business Vol. 9, 2015. Pp. 769-780. Режим доступа: <http://www.scientific-publications.net/en/article/1000994>

Существует проблема, поставленная еще в 1990-е г., когда ряд экономистов обратили внимание на то, что с точки зрения макроусловий российская экономика распалась на два крупных сектора: экспортно-ориентированный, производство которого ориентировано на мировой рынок, а движение капитала в этом секторе подчинено движению международных капиталов, и внутри-ориентированный сектор¹⁰. Экспортно-ориентированный сектор достаточно бурно рос в 1990-е г. даже во времена трансформационного спада, второй (внутри-ориентированный) деградировал до 1997 г., но после завершения азиатского кризиса 1997-1998 гг. вплоть до середины 2000-х г. относительно быстро восстанавливался. Оба сектора помимо разных финансово-экономических условий имеют различные технологические и институциональные условия. С точки зрения макропроцессов это обуславливает разный уровень издержек при выпуске технологически однородной продукции, например, просто за счет того факта, что если ваше предприятие работает на мировой рынок, то банки будут вам выдавать кредиты под наиболее выгодный процент, а на внутренне-ориентированном рынке банки представляют кредиты под *значительно более высокую ставку*. По сути, такая разница в финансово-экономических, институциональных и технологических условий создает *барьер* между двумя этими секторами, а через финансовую систему, которая функционирует как бы над этим барьером, происходит *перераспределение стоимости из внутреннего сектора во внешний*.

Трансформационный кризис 1990-х гг. сформировал три основных сектора российской экономики:

- экспортно-ориентированный сектор (ТЭК, металлургия и некоторые другие экспортно-ориентированные отрасли), интегрированный в мировую экономику и подчиненный функционированию международных капиталов;
- внутренне-ориентированный сектор, как совокупность региональных экономических анклавов, где воспроизводятся местные ФПГ, поддерживаемые региональными властями;
- сектор инфраструктурных монополий типа "Газпрома", "Транснефти" и ОАО "РЖД".

С середины 2000-х российская экономика еще усложнилась. Примерно с 2004-2006 гг. начал формироваться внутренний интегрированный ("федеральный") *транснациональный сектор*, целью которого была ликвидации региональных барьеров. Транснациональный сектор формируется на базе изначально экспортно-ориентированных компаний, которые стали вкладывать значительную часть этой прибыли во внутренние проекты, что стало порождать новую ситуацию и новый сектор экономики. При этом инвестирование доходов, полученных на внешних рынках, иногда стали вкладывать и *высокотехнологичные проекты*.

В новейшей политической истории – это трактуется как борьба против "суверенитета" отдельных субъектов Федерации. На взгляд автора, такое развитие российской экономики не является случайным. Подобные явления наблюдаются не только в России. Исторически мировая система, позволяющая развивать определенные сектора мировой экономики за счет деградации и увеличение нормы эксплуатации внутренней экономики развивающихся стран, возникает предположительно, примерно в конце XIX – начале XX века, когда объективируется современная мировая финансово-банковская система. С этого времени, по сути, как бы единая мировая экономика начала представлять собой дифференцированную совокупность "ядра" из развитых стран и стран развивающихся, представляющих собой периферию и полупериферию мировой экономики. Такое устройство глобальной экономики описано в различных концепциях миро-системных теорий. Соответственно, практически ни одна страна, находящаяся на

---

¹⁰ Белоусов А.Р. Неустойчивая стабилизация экономики. Что дальше? (Какую модель воспроизводства мы создали) // Проблемы прогнозирования. 1996. № 1.

периферии, так и не догнала в развитии передовые страны. Исключения - это Япония и Германия, но они обе вошли в клуб лидеров только благодаря войне с СССР. Понятно, что у России такой возможности нет. В этой ситуации российская экономика в своей новейшей истории повторяет путь развивающихся экономик, который они прошли еще в XIX-ом – первой половине XX века, и по степени своего развития отнюдь не является экономикой XXI века. Это косвенно подтверждается тем, что реакция на кризис российской экономики другая, чем развитых стран. Наша экономика упала значительно сильнее, чем экономика развитых стран, да и структура выхода из кризиса тоже была другой. График спада и выхода из кризиса 2008-2009 годов российской экономики очень напоминает кризисную динамику страновых экономик XIX века.

Инфраструктурные корпорации типа "Газпрома" и "Роснефти" и ряд других компаний, в т. ч. и высокотехнологичных, которые изначально были ориентированы на получение прибыли на внешних рынках, с этого периода стали вкладывать значительную часть этой прибыли во внутренние проекты, что стало порождать новую ситуацию и новый сектор экономики. При этом инвестирование доходов, полученных на внешних рынках, иногда стали вкладывать и высокотехнологичные проекты. Например, НК "Роснефть" финансирует создание новых судостроительных мощностей на Дальнем Востоке России. Это явление достаточно уникально в новейшей истории нашей страны, поскольку структура власти и национального капитала у нас несколько отличается от структуры власти и капитала не только в развитых странах, но и наших ближайших соседей.

Теперь перейдем к результатам формирования этого *транснационального сектора*. Начинаясь он с создания т.н. "интегрированных структур" (ИС) и госкорпораций (ГК). В период их активного создания 2007-2008 гг. скрытая подоплека этого процесса была в том, что ГК создадут внутри себя новую кооперацию, снизят издержки, повысят капитализацию и прочие, а затем госкорпорации по частям успешно приватизируют, и их история на этом закончится. Побочным эффектом всего этого является то, что результатами практики деятельности ГК и ИС является формирование внутри них новых институциональных отношений, то есть *новой институционально-однородной среды*. А это означает, что даже если ГК будут ликвидированы, а эти новые институциональные отношения сохранятся, то в России будет наконец-то сформирован относительно интегрированный внутренний рынок, вместо маленьких региональных анклавов, которые образовались в 1990-е годы. Это явно прогрессивное развитие российской экономики, т. к. создание единого внутреннего рынка уменьшает транзакционные издержки. Но, с другой стороны, надо помнить и о таком неприятном эффекте, который заключается в том, что региональные анклавов не только мешают распространению нового типа капитала, но и спасают местные локальные рынки от вторжения транснациональных корпораций, давая возможность работать людям на производствах, которые после вторжения ТНК станут неконкурентоспособными.

Тем не менее, жизнь развивается достаточно стремительно и нам надо ввести некоторые коррективы в выше сделанный промежуточный вывод. Это связано с последствиями так называемой Русской весны 2014 года. Вплоть до конца 2013 г. можно было с большой долей уверенности утверждать, что российский капитал легализуется и легитимируется в основном за границей. При этом полученный доход конвертируется в иностранную валюту и инвестируется либо за рубежные проекты, либо обратно в Россию, но уже в виде иностранных инвестиций, например, из Швейцарии. Иначе говоря, созданный капитал должен обязательно пройти процедуру легитимации в исторических центрах создания капитала на Западе. Но вот с весны 2014 г. впервые появляется тенденция, которая заключается в том, что российское руководство предпринимает усилия для создания нового центра легитимации созданных капиталов, но уже на базе нового межстранового содружества - Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Это качественно новое явление. Оно означает, что уже в среднесрочной, хотя более реально в долгосрочной перспективе, должны будут сократиться относительные масштабы утечки капитала на Запад. Понятно, что это будет при условии создания *системы легитимации капитала*

внутри евразийского пространства, признанного в мировом сообществе. Это качественно увеличит эффективность капитала и улучшит экономическую динамику.

Рассмотрим, как изменяются доли всех четырех секторов в валовой добавленной стоимости всей экономики РФ (рис. 1). Методика оценки секторов описана ранее¹¹, и была скорректирована с добавлением расчета сектора инфраструктурных монополий из-за чего частично изменились оценки объемов секторов.

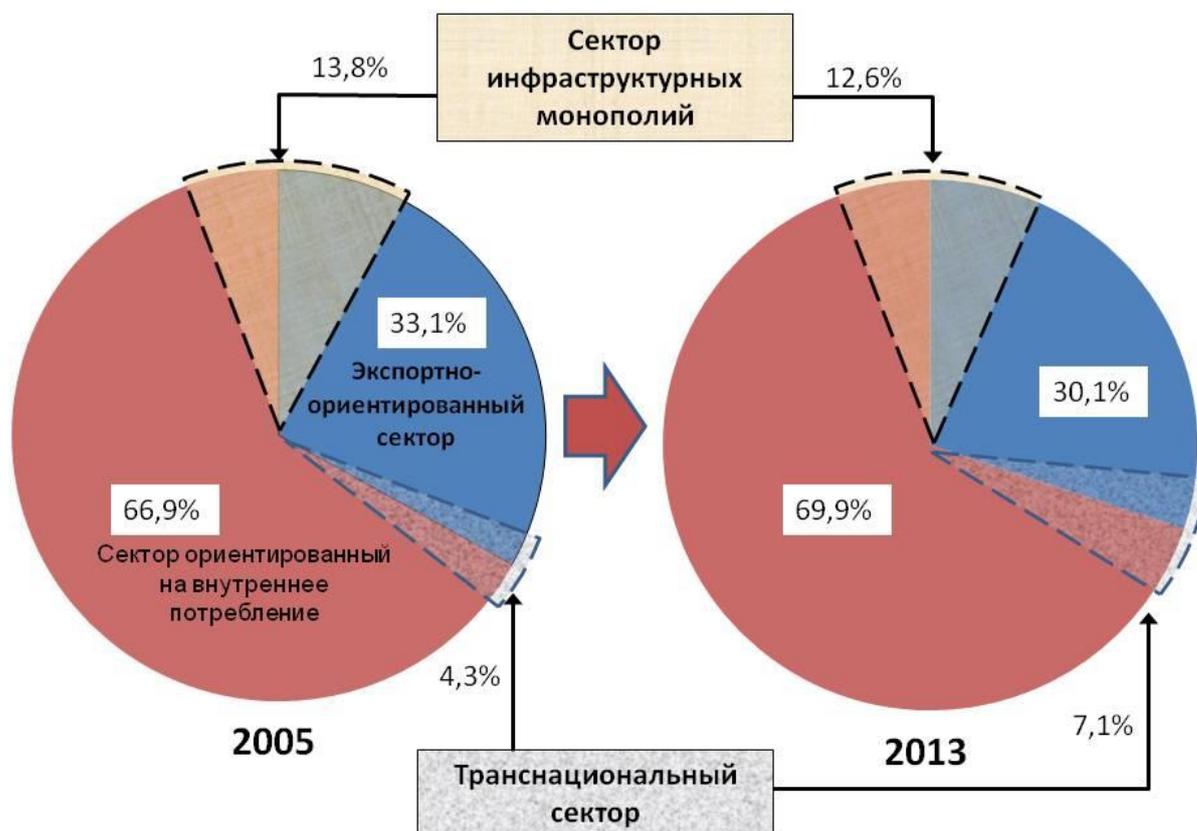

Рис.1. Изменение структуры российской экономики с 2005 по 2013 гг.

Численные оценки пока еще носят предварительный характер. Тем не менее, из результатов расчетов, проиллюстрированных на рис. 1, видно, что:

- "экспортно-ориентированный сектор", достигнув пика в середине 2000-х гг., незначительно снизил свою относительную долю (с 33,1% в 2005 до 30,1% в 2013 г.), причём максимальное падение пришлось на 2009 г. (ок. 24%), а затем стало медленно восстанавливаться;
- "сектор инфраструктурных монополий" также медленно сокращается: с 13,8% до 12,6%;
- "транснациональный сектор" растет существенно быстрее странового ВВП: в постоянных ценах ВВП России вырос к 2014 г. по сравнению с 2005 г. – в 1,396 раза, а доля транснационального сектора в нем – в 1,65 раза.

В условиях предполагаемого развертывания в мировой экономике нового витка кризисных явлений (с 2016 года) экспортно-ориентированный сектор в среднесрочной перспективе будет как минимум стагнировать, а внутри-ориентированный – сокращаться. При этом шансы на рост есть только у компаний транснационального сектора, но они будут развиваться как за счёт экспортно-ориентированных, так и внутри-ориентированных

¹¹ Frolov I.E. Transnational sector of the Russian economy: predictable dynamics and development problems // Journals Economy & Business, Vol. 8, 2014. Pp. 1166-1177. Режим доступа: <http://www.scientific-publications.net/en/article/1000471/>

отраслей экономики. Заметим, что политика Правительства и ЦБ РФ в настоящее время де-факто направлена на поддержку экспортно-ориентированного сектора и угнетение внутри-ориентированного.

Альтернативой может стать экономическая политика на *поддержку транснационального сектора*, который в долгосрочной перспективе будет способствовать модернизации российской экономики.

Статья написана на основе доклада на Международном научном конгрессе
«ГЛОБАЛИСТИКА -2015:
глобальная дипломатия в нестабильном мире»
Москва, МГУ, 20-25 октября 2015 года

Опубликована в электронном Сборнике трудов Международной
конференции:
«XXIII Кондратьевские чтения: Тупики глобальной экономики, поиск новой
научной парадигмы» // Сборник статей участников конференции
М.: Институт экономики РАН, 2015. С. 285-292.
Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25577700>